

Кто такой Шерлок Холмсь?

Завтра начинается печатаніемъ новый «Шерлокъ Холмсь» — повѣстный рассказъ Конанъ-Дойля. Въ связи съ этимъ мемуары А. Конанъ-Дойля. Мало кто знаетъ, что Артуръ Конанъ-Дойль рѣзко отличается отъ обычнаго типа писателя. Начало литературной карьеры далось ему не легко. Съ трудомъ пробивая жизненный путь, этотъ «сыщикъ-любитель», творецъ Шерлока Холмса, самъ былъ, по-очереду, хирургомъ, ловцомъ тюленей, китоловомъ, актеромъ, промышленникомъ, политическимъ ораторомъ, военнымъ корреспондентомъ, «ученымъ спиритомъ», популярнымъ фельетонистомъ. Печатаемые мемуары раскрываютъ новые страницы этой пестрой, безпорядочной и богатой впечатлѣніями жизни. Приводимъ главу, посвященную вопросу — кто же такой былъ Шерлокъ Холмсь.

Въ то время, какъ я изучалъ медицину въ Единбургѣ, университетъ города насчитывалъ въ числѣ своихъ профессоровъ нѣсколько поистинѣ замѣчательныхъ людей. Но изъ всѣхъ, кого случай привелъ мнѣ узнать, самымъ замѣчательнымъ и любопытнымъ человѣкомъ былъ Джозефъ Белль, хирургъ Единбургскаго госпиталя. Съ первой же встрѣчи онъ произвелъ на меня неизгладимое впечатлѣніе. Тонкій, сухой и нервный; могучій носъ, острое лицо, пронизывающіе сѣрые глаза, угловатая плечи, порывистая походка; — рѣчь сильная и скрипучая, какъ ржавое колесо.

Будучи прекраснымъ операторомъ, онъ не зналъ себѣ равныхъ въ диагностикѣ, — не только въ опредѣленіи болѣзни, но характера и профессіи больного.

Я никогда не могъ понять, почему онъ выдѣлилъ именно меня изъ толпы студентовъ, посѣщавшихъ его кабинетъ. Онъ поручилъ мнѣ приходящихъ больныхъ; это означало, что я долженъ былъ выстраивать ихъ въ рядъ, отмѣчать общій характеръ болѣзни, а затѣмъ по-очереду вводить ихъ въ комнату, гдѣ находился профессоръ, окруженный врачами и студентами. Такимъ образомъ, я свободно могъ изучать его методы и, наконецъ, убѣдиться, что иногда быстрый и острый взглядъ давалъ ему гораздо большее представление о положеніи больного, чѣмъ мнѣ мой подробный и обстоятельный вопросникъ. Если ему случалось ошибаться, то часто зато онъ получалъ поразительные результаты. Я приведу одинъ характерный примѣръ:

— Бывшій солдатъ, не такъ ли, дружище? — сказалъ онъ какъ-то одному изъ своихъ пациентовъ.

— Да, докторъ.

— Недавно оставившій службу?

— Да, докторъ.

— Горношотландскій полкъ?

— Да, докторъ.

— Унтеръ-офицеръ?

— Да, докторъ.

— Барбадскаго гарнизона?

— Да, докторъ.

— Этотъ человѣкъ, господа, объяснилъ онъ намъ затѣмъ, былъ полонъ уваженія къ намъ, однако, онъ не снялъ передъ нами шляпы: въ арміи не обнажаютъ головы; этотъ шотландскій обычай онъ безспорно усвоилъ бы, если бы не такъ недавно оставилъ военную службу. У него самоуверенный видъ, и онъ явно выраженный шотландецъ. О Барбадѣ я подумалъ послѣ того, какъ увидѣлъ на немъ слѣды словесной проказы — болѣзни, какъ вы сами знаете, Западной Индіи, а не Англии.

Всѣмъ Ватсонамъ, которые въ этотъ моментъ составляли его пораженную аудиторию, стало вдругъ яснымъ и естественнымъ то, что до этого объясненія казалось имъ чудеснымъ и невѣроятнымъ...

Нѣтъ ничего удивительнаго, что узнавъ вблизи подобнаго человѣка, я воспользовался его системой, когда приступилъ къ созданію «ученаго сыщика», рѣшающаго проблему преступленія на основаніи собственныхъ заключеній, не руководствуясь случайными или ложными признаніями преступника.

Рожденіе Шерлока Холмса и доктора Ватсона.

Прошло около года послѣ моей женитьбы, и я убѣдился, что, сколько бы я ни писалъ рассказовъ, они не подвинутъ меня ни на шагъ въ моей литературной карьерѣ. Я чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ родить нѣчто новое в «настоящее».

Я подумалъ о моемъ бывшемъ профессоре Джозефѣ Беллѣ, объ его орлиномъ лицѣ, о его странныхъ привычкахъ, о его почти фантастической способности цѣнить значеніе мелочей. Будь онъ сыщикомъ, онъ несомнѣнно попытался бы сблизить точную науку съ увлекательнымъ методомъ, под-

сказаннымъ ему дремъвшимъ въ немъ инстинктомъ. Я рѣшилъ попробовать. То, что было возможно въ жизни, неужели я не сумѣю передать въ правдоподобномъ вымыслѣ? Идея меня увлекла. Но какъ назвать моего героя? Меня отталкивалъ пошлый обычай, символизирующій въ имени героя его моральный обликъ и изобрѣтающій Хитрецовыхъ и Проньриныхъ. Тогда родились въ моемъ умѣ имя и личность Холмса, ставшаго впоследствии Шерлокомъ Холмсомъ. Не имѣя возможности самъ рассказывать свои приключенія, онъ долженъ былъ имѣть друга, служившаго ему какъ бы отраженіемъ, образованнаго, дѣльнаго, одинаково способнаго помогать ему въ его похожденияхъ и рассказывать о нихъ. Этому человѣку безъ блеска нужна была спокойная и незначительная фамилія: Ватсонъ вполне меня устроилъ. Родивъ двухъ моихъ персонажей, я написалъ «Загадочное преступленіе».

Послѣ того, какъ эта книга встрѣтила нѣкоторый успѣхъ въ Америкѣ, я узналъ, что меня желаетъ видѣть Стодартъ, агентъ издательства Липпинкотта, и говорить со мной о новой книгѣ. Я поспѣшилъ на свиданіе съ нимъ.

Стодартъ произвелъ на меня впечатлѣніе превосходнаго человѣка. На обѣдѣ, кромѣ меня, онъ пригласилъ еще двухъ лицъ: Джила, высоко-талантливаго ирландца, члена палаты общинъ, и Оскара Уайльда, уже въ ту пору «чемпіона» эстетики. Я провелъ волшебный вечеръ. Въ результатѣ обѣда Уайльдъ и я обязались написать каждый по книгѣ для «Липпинкотт'съ Магазина». Уайльдъ далъ «Портретъ Доріана Грея»; я же напечаталъ «Знакъ четырехъ», гдѣ Шерлокъ Холмсь вторично появляется передъ читателемъ.

Шерлокъ Холмсь умеръ... и воскресъ.

Въ это время появился рядъ новыхъ журналовъ, въ томъ числѣ «Страндъ», редактируемый по сегодняшній день Гринзомъ и Смитомъ. Перелистывая ихъ, я подумалъ, что, если одинъ и тотъ же герой, выведенный въ серіи отдѣльныхъ рассказовъ, завоюетъ вниманіе читателя, то читатель можетъ крѣпко приниться къ журналу. Съ другой стороны, мнѣ казалось, что длинный, изъ номера въ номеръ печатающійся, фельетонъ не столько содѣйствуетъ успѣху журнала, сколько губитъ его: стоитъ читателю случайно пропустить одинъ номеръ, какъ всѣ дальнѣйшіе номера уже теряютъ для него интересъ. Наилучшимъ рѣшеніемъ было бы, если бы одинъ и тотъ же герой появлялся въ каждомъ номерѣ журнала, но чтобы каждое его появленіе представляло собой самостоятельный рассказъ. Думаю, что такая идея впервые

пришла именно въ мою голову, и «Страндъ» приступилъ къ ея осуществленію.

Я усердно работалъ. Мои романы имѣли приличный успѣхъ, но не больше. Читатель требовалъ отъ меня походовъ Шерлока Холмса: и время отъ времени я ихъ ему поставлялъ. Когда же, наконецъ, я написалъ двѣ цѣлыхъ серіи, я почувствовалъ опасность попасть въ рабство къ читателю: вскорѣ въ моихъ произведеніяхъ могли начать цѣнить только то, чему я самъ придавалъ лишь второстепенное значеніе. Чтобы подчеркнуть мою волю и свободу, я рѣшилъ покончить съ моимъ героемъ.

Совершая небольшую поѣздку по Швейцаріи, я отправился съ женой полюбоваться Рейхенбахскимъ водопадомъ. Мнѣ пришло въ голову, что это страшное мѣсто могло бы быть достойной могилой моему бѣдному Шерлоку, хотя бы одновременно съ нимъ мнѣ пришлось похоронить и мой текущій счетъ въ банкѣ. Итакъ, я бросилъ его въ пучину и рѣшилъ забыть его, и въ самомъ дѣлѣ онъ почивалъ въ ней нѣсколько лѣтъ. Однако, это событіе вызвало послѣдствія, которыя искренно меня удивили. Говорятъ, что человѣкъ узнаетъ цѣну себѣ лишь послѣ смерти: по тому протесту, который поднялся со всѣхъ сторонъ противъ совершеннаго мною убійства, я понялъ, сколько друзей было у Холмса. «Варвары!», начинали дамы свои письма ко мнѣ, полныя упрековъ. Меня убѣждали, что многіе мои читатели проливали подлинныя слезы. Все это, признаюсь, не очень тронуло бы меня: если я былъ счастливъ, то потому лишь, что обстоятельства открывали передъ моимъ воображеніемъ новый путь: искушеніе высокихъ гонораровъ было слишкомъ сильно, чтобы моя мысль легко отказалась отъ Холмса.

Для очень многихъ людей Шерлокъ Холмсь былъ живымъ человѣкомъ. Доказательствомъ тому является громадное количество писемъ, которое я получалъ на его имя «съ просьбой переслать». Ватсонъ также получалъ порядочную корреспонденцію: у него просили адресъ и автографъ его «замѣчательнаго друга». Одно газетное агентство даже предложило Холмсу сотрудничать у него на не плохихъ условіяхъ. Со дня гибели Холмса многочисленныя старухи и пожилыя дамы предлагали себя для веденія его осиротѣвшаго хозяйства. Ко мнѣ неоднократно, на имя Холмса, поступали просьбы обслѣдовать и разрѣшить нѣкоторыя семейныя тайны. Наконецъ, однажды меня лично просили отправиться въ Польшу на условіяхъ, какія я пожелаю. Во мнѣ хватило здраваго смысла отказаться.